

М. А. Лукацкий

Л. Н. ТОЛСТОЙ О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ



УДК 371.4

ББК 74.03(2)

В статье анализируются философско-этические и педагогические взгляды Л.Н. Толстого. Особое внимание в статье уделено рассмотрению взаимосвязи философии культуры Л.Н. Толстого и его философии образования.

Ключевые слова. Философия культуры Л.Н. Толстого, философия образования Л.Н. Толстого, взаимосвязь взглядов Л.Н. Толстого на культуру и образование.

Lukatskiy M. A. L. N. TOLSTOY ABOUT PRESENT-DAY AND FUTURE STATE OF CULTURE AND EDUCATION

The article analysis philosopho-ethical and pedagogical views of L. N. Tolstoy. Special attention is given to the interconnection of L. N. Tolstoy's philosophy of culture and his philosophy of education.

Key words: L. N. Tolstoy's philosophy of culture, L. N. Tolstoy's philosophy of education, interconnection of L. N. Tolstoy's views on culture and education.

Педагогика — динамично развивающаяся наука. Сегодня эта научная дисциплина представлена множеством учений, школ, течений и направлений, корни которых уходят в историю философской, научно-педагогической мысли. Без обращения к истории невозможно разобраться и понять «устройство» науки, открывающей тайны приобщения человека к сокровищнице знаний и опыта, накопленного людьми в течение многих столетий.

Отечественная педагогическая мысль середины XIX — начала XX века внесла существенный вклад в мировую копилку педагогических знаний. Центрированность на вопросах воспитания, нравственного возвышения учащегося, определила своеобразие и направленность педагогического мышления в России в тот исторический период.

Одну из ветвей отечественной педагогики, базировавшейся на ре-

лигиозно-философских основаниях, представлял Лев Николаевич Толстой (1828—1910). О его педагогических воззрениях написано немало. Но, к великому сожалению, многие стороны его педагогического учения продолжают оставаться малоизвестными, малоизученными и малоосвещенными. Причин, по которым ряд значимых аспектов педагогических взглядов Толстого не оказался в фокусе непредвзятого исследовательского внимания, немало. Одна из основных — более чем 70-летний период их рассмотрения отечественной педагогикой исключительно под идеологическим углом зрения, заданным ленинским пониманием творчества Л. Н. Толстого. Еще одной причиной является то, что педагогические труды Толстого издавались малыми тиражами и по существу сразу же становились библиографической редкостью.

Идейным стержнем этих трудов является оригинальное мировоззрение Л. Н. Толстого. Без обращения к его мировоззрению ряд важных теоретических положений и выводов его педагогических взглядов могут оказаться не до конца понятными.

Л. Н. Толстой — автор большого числа религиозно-философских трудов и публицистических сочинений. Основное место в них занимают рассуждения о человеке, смысле его бытия, истинной и возвышающей человека нравственно линии жизни, о свободе и творческих силах, позволяющих преобразовать мир, в котором он пребывает, и о ловушках, соблазнах, подстерегающих его на этом пути. Размышления Толстого над этими «вечными» темами своеобразны и

чрезвычайно глубоки. Будучи высказанными, они сразу же привлекли к себе самое пристальное внимание и стали предметом широкого обсуждения. Начавшееся еще при жизни Толстого обсуждение его религиозно-философских взглядов продолжилось и после кончины нашего великого соотечественника. Сегодня, спустя столетие со дня смерти Л. Н. Толстого, его мысли о человеке, его нравственной миссии, способности искоренять в себе зло и ненависть, вносить в жизнь мира добро и согласие, приковывают к себе ничуть не меньшее, чем ранее, а, скорее, большее внимание.

Л. Н. Толстой о горизонтах культурного творчества человека. С древнейших времен важнейшая функция культуры раскрывалась понятием, предложенным Цицероном: «culture anima» — возделывание, возвращение души. При всех метаморфозах понятия «культура» в истории философии это ее значение оказывалось непреходящим. Культура, согласно учению Толстого, является не только продуктом и результатом человеческой деятельности. Для него культурный процесс — это, в первую очередь, становление и развитие человека. Человек, его место в мире, смысл и предназначение человеческой жизни — одна из центральных линий культурфилософских взглядов мыслителя.

Центральной проблемой религиозной философии Толстого является проблема сущности человека и его места в божественном универсуме. В произведении «О жизни» антропологические взгляды мыслителя нашли наиболее полное выражение. Крити-

чески анализируя различные определения человеческой жизни, Толстой приходит к выводу, что «жизнь человека есть стремление к благу» [10. С. 462]. Всякий человек, по его мысли, живет только для того, чтобы ему было хорошо, т. е. для своего блага. Представить себе жизнь без желания себе блага не может, по мнению Толстого, ни один человек. Понятия жизни и желания блага объявляются мыслителем тождественными понятиями.

Основным противоречием человеческой жизни, по Л. Н. Толстому, является противоречие между желанием блага своей отдельной личности и неизбежными страданиями для этой личности и ее смертностью. Это внутреннее противоречие жизни человека с необычайной силой и ясностью было выражено «и Индийскими, и Китайскими, и Египетскими, и Греческими, и Еврейскими мудрецами, и с древнейших времен разум человека был направлен на познание такого блага человека, которое не уничтожалось бы борьбой существ между собой, страданиями и смертью» [10. С. 433]. Во все большем уяснении этого блага, ненарушимого борьбой, страданиями и смертью человека, и состоит, по мысли Толстого, все движение вперед человечества.

Так как положение всех людей в мире одинаково, то каждому человеку одинаково присущи и стремление к своему личному благу, и сознание невозможности его. По этой же причине одинаковым для всех людей должно быть определение истинного блага.

В чем же состоит разрешение противоречия жизни? По мнению Толстого, разрешение этого противоречия

было дано людям христианским учением в его истинном значении. Если древние вероучения старались скрыть противоречие жизни человеческой, то христианское учение, напротив, показывает людям это противоречие во всей его полноте. «Показывает им то, что, оно должно быть, и из признания противоречия выводит и разрешение его» [10. С. 55].

В христианском учении, доказывает Толстой, утверждается, что, с одной стороны, человек есть животное и не может перестать быть животным, пока он живет в теле; с другой стороны, он есть духовное существо; отрицающее все животные требования человека. Христианское учение, пишет Л. Н. Толстой, «...говорит человеку, что он ни зверь, ни ангел, но ангел, рождающийся из зверя, — духовное существо, рождающееся из животного. Что все наше пребывание в этом мире есть не что иное, как это рождение» [10. С. 55].

Только это рождающееся духовное существо и имеет истинную жизнь. Познав это, человек, считает мыслитель, перестает признавать собою свое отдельное от других телесное и смертное существо, а признает собою то нераздельное от других духовное и потому не смертное существо, которое открывается ему его разумным сознанием. «...Существо, которое открывается человеку его сознанием, рождающееся существо, — есть то, что дает жизнь всему существующему, — есть Бог» [10. С. 56]. Оно проявляется в отдельном человеке «желанием блага не себе одному, а всему существующему, Любовью. По сущности своей любовь, желание блага, стремится охватить, объять все существующее.

Естественным путем оно расширяет свои пределы любовью — сначала к семейным, жене, детям, потом к друзьям, соотечественникам. Но любовь не довольствуется этим и стремится охватить все существующее. В этом непрекращающемся расширении пределов любви, — считает Толстой, — и заключается сущность истинной жизни человека в этом мире. Все пребывание человека в мире, от рождения и до самой смерти, утверждает мыслитель, и «есть не что иное, как рождение в нем духовного существа» [10. С. 59].

Л. Н. Толстой поясняет, что это «неперестающее рождение» есть то, что в христианском учении называется жизнью истинной. По христианскому учению, настаивает он, нужно для разрешения противоречия жизни «не уничтожать самую жизнь отдельного существа, что было бы противно воле Бога, пославшего ее, и не покоряться требованиям животной жизни отдельного существа, что было бы противно духовному началу, составляющему истинное Я человека, а должно в том теле, в которое заключено это истинное Я человека, служить одному Богу» [10. С. 59].

Истинное Я человека есть не что иное, говорит Толстой, как «беспредельная» любовь, составляющая основу его жизни. Любовь эта заключена в пределы животной жизни отдельного существа и всегда стремится к освобождению себя от нее. В этом освобождении духовного существа от плотской оболочки и состоит, по Толстому, истинная жизнь каждого отдельного человека и всего человечества.

В «Записной книжке» 21 июля 1870 г. Л. Н. Толстой записывает:

«Человек рождается, это значит, что он индивидуализируется — получает способность видеть все индивидуально. Он живет. Это значит — он больше и больше стирает свою индивидуальность и перестает быть один и сливается со всем. Человек умирает (медленно иногда — старость), он перестает быть индивидуумом. Индивидуальность тяготит его» [18. С. 126—128]. Эту запись сам же Толстой разъясняет так: «Умереть — значит избавиться от заблуждения, через которое все видишь индивидуально. Родиться — значит из жизни общей перейти к заблуждению индивидуальности. Только на середине, во всей силе жизни, можно видеть и свое заблуждение индивидуальности и можно сознавать истину всеобщей жизни. Только один момент на вершине горы видны оба ската ее» [18. С. 126—128].

Л. Н. Толстой рассматривает рождение человека как его индивидуализацию: только сквозь призму чувств животной жизни он устанавливает связи с окружающим миром и отдается «заблуждению индивидуальности». По мере взросления «индивидуальность стирается», человек начинает сознавать истину всеобщей жизни и под старость тяготеет своей особенностью, удаленностью от этой жизни. Смерть трактуется Толстым как выход за пределы индивидуальности, как слияние личного начала с всеобщим, «всеединым».

Л. Н. Толстой согласен с Конфуцием — истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы знаем то, что знаем, и не знаем то, чего не знаем. Ложное же — в том, чтобы думать, что мы знаем то, чего не знаем, и не

знаем того, что знаем. Мыслитель утверждает, что ложному знанию, господствующему в современном мире, и нельзя дать более точного определения «Человеку с ложным знанием представляется, — пишет Толстой, — что он знает все то, что является ему в пространстве и времени, и что он не знает того, что известно ему в его разумном сознании» [10. С. 454]. Такому человеку, говорит он, представляется, что его благо и благо вообще есть самый непознаваемый для него предмет. Почти столь же непознаваемым предметом представляется ему его разумное сознание. Более же познаваемым предметом представляется ему его животная личность и еще более познаваемыми предметами представляются ему животные и растения и, наконец, самым познаваемым представляется ему «мертвое, бесконечно распространенное вещество» [10. С. 454]. По мнению Толстого, человек по-настоящему может знать и знает лишь то благо, к которому он стремится, и тот разум, «который указывает ему это благо». Свое же телесное существо, отмечает мыслитель, человек знает уже не так отчетливо: «Все другие явления, представляющиеся ему в пространстве и времени»¹ человек лишь видит, но не знает [10. С. 455].

Благо любви, открываемое человеку разумным сознанием, сближает и объединяет его с другими людьми, позволяя тем самым преодолеть свою ограниченность, выйти за пределы индивидуального телесного пространственного и временного бытия.

По мысли Л. Н. Толстого, в мире осуществляется высшая целесообразность, и задача человека состоит в том, чтобы привести свою волю в соответствие с ней и встроиться в эту всеобщую гармонию. Л. Н. Толстой уверен в том, что человек рождается с даром внутренней нравственной свободы и потому может спасти душу или погубить ее. Спасти душу — это значит выйти за пределы эгоистического, обособленного, «плотского» существования и привести свою волю в соответствие с требованиями всеобщей воли: «Чтобы спасти свою душу, нужно жить по-божьи, а чтобы жить по-божьи, нужно отречься от всех утех жизни, трудиться, смиряться, терпеть и быть милостивым» [8. С. 146]. Свобода дана человеку для того, чтобы «спасти свою душу», т. е. жить интересами других людей, а не личными, эгоистическими страстями, не устает повторять мыслитель.

Человек приходит в согласие с самим собою только в том случае, когда его свободная воля сливается с требованиями нравственного закона, непосредственно и сознательно подчиняясь им. Высшее благо Толстой видит в гармоническом «сопряжении» личной внутренней свободы с объективной, действующей в мире необходимостью. Человек становится удовлетворенным только тогда, доказывает мыслитель, когда вектор его поведения совпадает с действующей в мире высшей целесообразностью.

Л. Н. Толстой резко отрицательно оценивает индивидуалистическое

¹ Толстой в духе поиска И. Канта интерпретирует пространство и время как априорные, т. е. независимые от опыта формы чувственных созерцаний.

существование человека, жаждущего благополучия и наслаждения, воля которого служит эгоистическим страстям. С глубокой искренностью и убежденностью Толстой подвергает критике тех, кто страдает обостренным чувством телесного Я, связанным с «плотским» конечным существованием. Единственный путь «спасения» души человека Л. Н. Толстой полагает в готовности служить «всем» сознательно, беззаветно и бескорыстно. Только безусловное отречение от себя, только жертвенное служение «сыну человеческому» приносит вечное «спасение» душе, утверждает мыслитель.

Л. Н. Толстой призывает к «сопротивлению» личной воли с волею «отца», т. е. с осуществляющейся в мире необходимостью. «Я неизбежно погибну бессмысленною жизнью и смертью со всеми окружающими меня, если я не буду исполнять этой воли отца» [9. С. 295]. Только в исполнении этой воли «отца» мыслитель видел единственную возможность спасения. Воля же «отца», полагал он, предельно точно изложена в учении Христа и в его заповедях. «Я понял, — пишет Толстой, — что исполнение этих заповедей есть воля того начала всего, от которого произошла и моя жизнь» [9. С. 295].

Своеобразное решение в религиозной философии Л. Н. Толстого получает проблема смерти. Мыслитель доказывает, что настоящая причина смерти человека — существа, наделенного разумом и способностью к бескорыстной любви, — нравственная, а отнюдь не биологическая. «Человек, — настаивает мыслитель, — умирает только от того, что в этом мире благо его истинной жизни не может уже

увеличиваться, а не от того, что у него болят легкие, или у него рак, или в него выстрелили, или бросили бомбу» [9. С. 509]. Именно таков, утверждает Толстой, потаенный нравственный смысл происходящего с человеком перехода от жизни к смерти.

Смерть страшит только тех, пишет Л. Н. Толстой, кто «не видит, как бессмысленна и погибельна его личная одинокая жизнь, и кто думает, что он не умрет», тот же, кто полагает свою жизнь в возвышении в себе разума и любви понимает, что как телесное существо «я умру так же, как и все.., но моя жизнь и смерть будет иметь смысл и для меня и для всех» [9. С. 296]. Таким образом, нравственный смысл жизни Толстой распространяет и на смерть, и поэтому для него «человек умер, но его отношение к миру продолжает действовать на людей, даже не так, как при жизни, а в огромное число раз сильнее, и действие это по мере разумности и любовности увеличивается и растет, как все живое, никогда не прекращаясь и не зная перерывов» [9. С. 509].

Такой подход к проблеме жизни, смерти и бессмертия человека Толстой ясно выразил и в отношении к публикации Мадзини о бессмертии (1894), и в статье «О самоубийстве» (1890), и в «Зеленой палочке» (1905). Этот подход заключается в том, что пока есть жизнь в человеке, он может совершенствоваться и служить миру. Толстой подчеркивает, что служить миру человек может, только совершенствуясь, и совершенствоваться — только служа миру. Поэтому, если человек «живет, отрекаясь от личности для блага других, он здесь, в этой

жизни уже вступает в то новое отношение к миру, для которого нет смерти и установление которого есть для всех людей дело этой жизни» [9. С. 504].

Религиозно-философская концепция человека Л. Н. Толстого созвучна многим антропологическим положениям античной философии, философии эпохи Просвещения, немецкой классической философии, христианской философии. Она смыкается с различного рода философскими концепциями, которые образуют антропологическое направление современной западной философии. В XX в. одной из ведущих тем западной философии становится проблема человека, рассматриваемого как исходный пункт и центральный предмет всякого философствования. Это такие течения антропологического толка, как феноменология, персонализм, экзистенциализм, собственно философская антропология и другие. Роднит концепцию Толстого с этими философскими учениями то, что предметом тех и других философских исканий утверждается не бытие само по себе, не законы его фактического существования, а разъяснение и раскрытие смысла бытия человека. Решая проблему смысла бытия, и Толстой, и представители выше названных философских течений обращаются не к сфере объективно-научного, а к чистой субъективности как действующей первооснове всякой объективности. Именно обращаясь к субъективности, они находят основы свободной и творческой деятельности человека, его подлинного бытия.

В своих произведениях Л. Н. Толстой в определенной степени предвосхитил тот антропологический поворот, совершенный впоследствии современ-

ной западноевропейской философией, суть которого заключена в обращенности к человеку, познанию его сущности, определению его места в мире и жизненного призвания.

Есть в учении Толстого и «родственные» связи с восточной философской традицией. Л. Н. Толстой, как и древние философы Востока, ставил духовную сущность человека превыше всего. «Учения буддизма и стоицизма, как и еврейских пророков..., — писал он, — а также и китайские учения Конфуция, Лаотзе и мало известного Ми-ти, все возникшие почти одновременно, около 6-го века до рождения Христова, все одинаково признают сущностью человека его духовную природу, и в этом их величайшая заслуга» [21. С. 261].

Религиозная философия Л. Н. Толстого укоренена и в традициях русской философии, яркую характеристику которой дал А. Ф. Лосев, считавший, что в отличие от западноевропейской философии, базисом которой является — *ratio*, русская философская мысль «кладет в основание всего Логос». Русская самобытная философия, писал А. Ф. Лосев, «представляет собой непрерывающуюся борьбу между западноевропейским абстрактным *ratio* и восточно-христианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является беспрестанным, постоянно поднимающимся на новую ступень постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» [5. С. 73].

Следует особо отметить то, что у Л. Н. Толстого тайна культуры уходит в тайну личности. «Авторское право» на культуру у него целиком принадле-

жит человеку. Культура у Толстого выступает сферой реализации сущностных сил человека. Мыслитель разделяет идею И. Канта, состоящую в понимании морали как неотъемлемой части, ядра культуры. Толстой вслед за И. Кантом абсолютизирует нравственность, ставя знак равенства между понятиями «культурный» и «нравственный» человек.

Культура у Толстого неотделима от нравственности. «Все наши усовершенствования жизни, — пишет Л. Н. Толстой, — и железные дороги, и телеграфы, и всякие машины могут быть полезны для соединения людей, а потому и для приближения Царства Божия. Но горе в том, что люди увлеклись этими усовершенствованиями и думают, что если они настроят разных машин, то это приблизит их к Царству Божию. Это такая же ошибка, как та, какую сделал бы человек, если бы все пахал одну и ту же землю и ничего бы не сеял на ней. Для того чтобы все эти машины принесли свою пользу, нужно, чтобы люди усовершенствовали свою душу, воспитали бы в себе любовь. А без любви телефоны, телеграфы, летательные машины не соединяют, а, напротив, все больше и больше разъединяют людей» [15. С 67].

Нравственное самосовершенствование рассматривается Л. Н. Толстым одновременно, как дело, приводящее людей к единению с Богом и между собой, и как основание культуросозидающего процесса. Смысл жизни, по его определению, заключается в том, «чтобы установить Царство Божие на земле, т. е. заменять насильственное, жестокое, ненавистническое сожительство людей любовным и

братским» [13. С 170].

Во многих своих произведениях Л. Н. Толстой поясняет, что процесс внутреннего совершенствования, рост любви в личности не замыкает ее в себе, а, напротив, выводит ее за границы себя. По мысли Толстого, одинаково ошибается и не исполняет своего назначения тот, кто стремится к улучшению жизни людской, к установлению Царства Божия, не устанавливая его в себе, как и тот, кто стремится к такому личному совершенствованию, которое не имеет целью установление Царства Божия вне себя. Человек, считает мыслитель, поставлен в такие условия, что единственное для него, истинное, разумное благо состоит в стремлении к личному самосовершенствованию; личное же самосовершенствование таково, что оно достигается только тогда, когда человек признает себя орудием Бога для установления Его Царства. По убеждению Толстого, тут существует полное соответствие и гармония: «В той мере, в которой достигает человек внутреннего совершенства, в той мере устанавливает он Царство Божие и только в установлении Царства Божия он подвигается к внутреннему совершенству. Без сознания того, что усилие мое содействует установлению Царства Божия... не было бы жизни. И потому каждый из нас живет только в той мере, в которой он устанавливает Царство Божие вне себя и совершенствует себя внутри себя» [13. С 184].

Таким образом, на вопрос: как осуществляется нравственный и культурный прогресс, Толстой отвечает: совершенствованием личности, которое в то же время есть и совершенствование жизни общества. «Всякое истин-

ное просвещение и исправление себя неизбежно просвещает и исправляет других, вроде того, как загоревшийся огонь не может светить и согреть только тот предмет, который сгорает в нем, но неизбежно светит и греет вокруг себя, а светит и греет вокруг себя только тогда, когда сам горит» [13. С 203]. И это действие культурного, нравственного просвещения человека не может иметь пределов, не может остановиться на какой-либо ограниченной совокупности лиц и ограничиваться ею. Истинное просвещение объемлет всех, все человечество общим законом любви. Соединяет людей одно: «отношение к Богу и стремление к нему, потому что Бог один для всех, и отношение всех людей к Богу одно и то же. Хотят или не хотят признавать это, перед нами стоит один и тот же идеал высшего совершенствования, и только стремление к нему уничтожает разобщение и приближает нас друг к другу» [24. С 165].

В своих произведениях Толстой доводит принцип единения до логического предела. По его мысли, единение есть тот «ключ», который освободит людей от зла. Человечество, считает мыслитель, неминуемо должно пройти на пути к полному единению через различные относительные формы культурного, общественного прогресса. Направленность же культурного движения должна, по его мысли, определяться только абсолютным идеалом данным христианством. «Учение Христа, — пишет Толстой, — тем отличается от прежних учений, что оно руководит людьми не внешними правилами, а внутренним сознанием возможности достижения

божеского совершенства... Только стремление к этому совершенству отклоняет направление жизни человека от животного состояния к божескому настолько, насколько это возможно в этой жизни» [10. С 251].

Л. Н. Толстой верит в нравственный прогресс. По его мысли, нравственный прогресс неукоснителен, так как он обеспечен силою Высшей воли. И поэтому этот процесс совершается неуклонно и безостановочно. По этой причине мыслитель так категорически отрицает необходимость внешнего содействия нравственному развитию человечества. По мысли Толстого, изменять формы жизни людей, надеясь внешними средствами переориентировать мировоззрение людей, все равно, что перекладывать разными способами сырые дрова в печи, рассчитывая на то, что есть такое расположение сырых дров, при котором они загорятся. Все равно, считает Толстой, загорятся только сухие дрова, независимо от того, как они сложены. Проповедь общественного переустройства представляется Л. Н. Толстому равносильной тому, как если бы кто утверждал, что «людям не надо идти самим, своими ногами туда, куда они хотят и куда им нужно, но что под них подведется такой пол, по которому они, не идя своими ногами, придут туда, куда им нужно» [10. С 323]. Этому бессилию внешних изменений Толстой противопоставляет единственное действенное средство — внутреннее нравственное перерождение. Если, утверждает Толстой, жить в согласии со своим нравственным началом, голосом своей совести, то и будет достигнута та степень общественного благосостояния, которой желают люди. Самое главное,

без усталости повторяет мыслитель, совершенствовать себя, воспитывать в себе чувство любви и заражать других людей любовью. Это — путь, не сомневается Толстой, идя по которому люди «наверное избавляются от своих страданий и наверное получают наибольшее внутреннее — духовное и внешнее телесное благо, и получают не одни какие-либо избранные, а все люди без всякого исключения» [10. С 323].

С разных сторон подходит Л. Н. Толстой к вопросу о путях истинного культурного прогресса, и вывод его каждый раз остается неизменным: личное совершенствование, приводящее к единению всех на религиозной основе. В этом и состоит, по убеждению Л. Н. Толстого, закон жизни человеческой. «Ищите Царствия Божия и правды Его (того, которое внутри вас), — пишет мыслитель, — и остальное, то есть все то практическое благо, к которому может стремиться человек, само собою осуществится» [24. С 139].

Л. Н. Толстой о религии, этике и культуре.

В статье «Религия и нравственность» Л. Н. Толстой утверждает: «Религия есть установленное человеком между собой и вечным бесконечным миром или началом и Первопричиной его известное отношение» [10. С 124]. И далее: «Сущность всякой религии состоит только в ответе на вопрос: зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня бесконечному миру» [10. С 117]. Из этого определения, по мысли Л. Н. Толстого, следует, что «если религия есть установленное отношение человека к

миру, определяющее смысл его жизни, то нравственность есть указание и разъяснение той деятельности человека, которая сама собой вытекает из того или другого отношения человека к миру» [10. С 124].

Толстой считает, что основных отношений к миру или началу его известно только три: «1) первобытно личное, 2) языческое общественное, или семейно-государственное и 3) христианское, или божеское» [10. С 117–118].

Из первого отношения к миру, пишет Толстой, «вытекают общие всем языческим религиям учения о нравственности, имеющие в своей основе стремление к благу отдельной личности и потому определяющие все состояния, дающие наибольшее благо личности и указывающие средства приобретения этого блага» [10. С 124]. Эпикурейская доктрина, магометанское учение с обещанием блага личности в загробной жизни, утилитаризм и отрицательное учение буддизма об отречении от мира являются производными от первого языческого отношения к миру.

Из второго отношения к миру, состоящего в признании общественного блага и подчинении ему личного, вытекают, по мысли Толстого, нравственные учения, требующие от человека служения той совокупности людей, благо которой признается целью жизни. По этому учению законным объявляется только то личное благо, которое «приобретается: всею тою совокупностью, которая составляет религиозную основу жизни» [10. С 124]. Греческое, римское, китайское, еврейское и первые христианские общества были основаны на таких обще-

ственных принципах. Семейная нравственность также основана на таком толковании общественного блага.

Из третьего, христианского отношения к миру, состоящего в «признании человеком себя орудием высшей воли для исполнения её целей» [10. С 124], произрастают, по мысли Толстого, все высшие известные человечеству нравственные учения: пифагорейское, стоическое, буддийское, браминское, даосское и христианское в его настоящем смысле. Л. Н. Толстой убежден, что деятельность человека, исповедующего «истинное» христианство, должна выражаться не в личном и общественном служении, а в отречении от личного, семейного и даже общественного блага. «Очень обычная ошибка, — пишет он, — полагать цель жизни в служении людям, а не в служении Богу. Только служа Богу, т. е. делая то, что Он хочет, можно быть уверенным в том, что не делаешь пустого, и нет невозможности выбора, кому служить» [19. С 144].

«Нравственность есть нечто постоянно развивающееся, растущее» [10. С 129], — утверждал Толстой. По его мнению, «жизнь человеческая движется, проходит, как жизнь отдельного человека, и каждый возраст имеет соответствующее ему жизнепонимание, и жизнепонимание это неизбежно усваивается людьми. Те люди, которые не усваивают соответствующего возрасту жизнепонимания сознательно, приводятся к этому бессознательно. То, что происходит с изменением взглядов на жизнь отдельных людей, тоже происходит и с изменением взглядов на жизнь народов и всего человечества. Если человек семейный продолжает

руководствоваться в своей деятельности ребяческим жизнепониманием, то жизнь его делается так трудна ему, что он невольно будет искать иного жизнепонимания и охотно усвоит то, которое свойственно его возрасту.

Подчеркивая неразрывность религии и нравственности, Толстой критикует тех мыслителей, которые, отделяя религию от нравственности, проповедуют подчинение личного блага общественному. Вступая в полемику с представителями эволюционной теории, мыслитель демонстрирует противоречие между выводами этой доктрины и основным ее принципом — борьбы за существование. Л. Н. Толстой утверждает, что если правильна эволюционная теория, согласно которой наиболее приспособленный остается жить, тогда борьба должна происходить либо между людьми и животными, либо в самом обществе между людьми, различными семьями, родами и нациями. В таком случае, делает вывод Толстой, тот общественный прогресс, на который указывают эволюционно мыслящие философы, на самом деле являет собой лишь безнравственную борьбу.

Л. Н. Толстой убежден в ложности самой попытки объяснения нравственных явлений с помощью закона эволюции. Борьба людей друг с другом, их объединение для достижения победы в противостоянии с себе подобными не может рождать нравственное сознание. Он пишет: «Если же спасаются слабые в и семье, и в государстве, то никак не от государственного соединения, а оттого, что в людях, соединенных в семьи и в государства, есть самоотвержение и любовь. Если вне

семьи из двух детей выживает только the fittest, а в семье, у доброй матери, останутся жить оба, то это произойдет совсем не от соединения людей в семью, а оттого, что у матери есть любовь и самоотвержение» [10. С 130].

Ошибкой следует считать, по мысли Толстого, и то, что социальный прогресс рождает в людях нравственное отношение к жизни. Утверждать, говорит он, что социальный прогресс производит нравственность, все равно что утверждать, что постройка печей производит тепло. Тепло происходит от солнца; печи же производят тепло только тогда, когда в печи положены дрова. Точно так же и нравственность происходит от религии [10. С 131].

Назвать действительно нравственным, настаивает Л. Н. Толстой, можно только того, кто служит Богу, потому что, служа Богу, человек проникается любовью, а любовь — Божеское начало. Для Толстого проблема любви — это кардинальная проблема человеческого существования. С помощью понятия любовь Толстой объясняет сущность духовного роста человека, своеобразие разрешения им экзистенциальных вопросов, достижения полноты творческих, нравственных, эмоциональных сил и цельности своей личности. Любовь в философии — это способ бытия, жизнетворчество. Силою любви человек преодолевает отчужденность от мира, разобщенность с другими людьми и встраивается в целостность универсума.

Говоря об этом ключевом для жизни человека феномене, Толстой подчеркивает, что его понимание любви проистекает из христианского учения, которое «признает любовь и к себе, и

к семье, и к народу, и к человечеству, и ко всему живому и неживому, признает необходимость бесконечного расширения любви» и которое показывает то, что источник «любви не вне себя, а в себе же самом, в своей личности, но личности божеской» [10. С 256]. Согласно христианскому учению, пишет Толстой, любовь не необходимость, а существенное свойство души человека. Человек не может не любить. Смысл жизни и заключается в том, чтобы любить Бога, как начало всего во всем. Именно такое понимание любви и использовалось Толстым для рассмотрения проблем нравственного развития человека и человечества.

Изучая религии мира, Л. Н. Толстой пришел к выводу, что «истинное» христианство в своих основных положениях не противоречит индуизму, конфуцианству, даосизму, иудаизму, буддизму, магометанству. Суть сходства Толстой видел в следующем: «Бог, начало всего; что в человеке есть частица этого божественного начала, которую он может уменьшить или увеличить в себе своею жизнью; что для увеличения этого начала человек должен подавлять свои страсти и увеличивать в себе любовь; и что практическое средство достижения этого состоит в том, чтобы поступать с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобою» [10. С 42].

В письме от 27 июля 1909 года к художнику Яну Стыке Толстой, подтверждая эту свою мысль, писал: «Учение Иисуса для меня только одно из прекрасных и великих учений, переданных нам от древности египетской, еврейской, индусской, китайской и греческой. Два великих принципа

Иисуса: любовь к богу, т. е. к абсолютному совершенству, и любовь к ближнему, т. е. ко всем людям без всякого различия, исповедовались... с различных точек зрения всеми мудрецами мира... Религиозная и нравственная истина всегда и везде одна, и я стараюсь постигать ее везде, где нахожусь, без всякого пристрастия к христианству» [22. С 43–44].

По мнению Толстого, высшие идеалы жизни человека — идеалы добра и справедливости — прошли длинный путь исторического развития. Отраженные, как самое существенное во всех религиях мира, эти идеалы стали нравственным базисом сознания человечества. Развивая эту идею, мыслитель пишет, что «вся жизнь человеческая не имеет иной цели как... уяснение, утверждение, упрощение и общедоступность нравственной истины» [8. С 208], а деятельность человеческого сообщества как достойный результат имеет уяснение нравственных законов. Толстой считал, что путь человечества к этим высоким нравственным ориентирам состоял из ряда этапов. Отдельный человек, полагал он, так же, как и человечество в целом, поднимается в своем нравственном развитии по ступеням.

Исследуя духовное наследие прошлого и настоящего, Толстой пришел к выводу, что религиозное сознание общества постоянно развивается, что «религии, как и все живое, имеют свойство рождаться, развиваться, стареться, умирать, вновь возрождаться и возрождаться всегда в более совершенной, чем прежде, форме» [10. С 21]. Божественный закон жизни, утверждает он, не может измениться,

но «люди могут все яснее и яснее и понимать его, и научиться тому, как в жизни исполнять его» [15. С 19].

Движение совершенствующегося универсального религиозного сознания является, по мысли Л. Н. Толстого, сущностью единства мирового исторического процесса. Говоря о развитии религиозного сознания как о процессе неотвратимом, Толстой использовал метафору высвобождения птенца из скорлупы и превращения его в зрелую птицу, которая при всем желании не сможет вернуться в свой первый дом.

Выражая мысль о неотвратимости поступательного развития человечества, Л. Н. Толстой писал, что свобода состоит не в том, чтобы «совершать произвольные поступки», а в том, чтобы, исповедуя истину, «сделаться свободным и радостным деятелем вечного и бесконечного дела, совершаемого Богом или жизнью мира». Не признавая эту истину, человек, настаивает Толстой, может сделаться только рабом жизни и быть «насиленно и мучительно влекомым туда, куда он не хочет идти» [10. С 409].

Человек, по мысли Толстого, свободен только в своем духовном росте. Только видя смысл своей жизни в исповедовании открывающейся ему истины (разумной веры), человек совершает дела, имеющие бесконечное, ничем не ограниченное значение [10. С 410]. Опираясь на такое видение, Толстой приходит к заключению: «Люди приближаются к Царству Божию, то есть к доброй и счастливой жизни, только усилиями каждого отдельного человека жить доброй жизнью» [15. С 270].

Концепция культуры Л. Н. Толстого базируется на фундаменте его религиозно-философского учения. Качественной мерой культуры, ее мерилом и критерием Л. Н. Толстой объявляет самосовершенствование и самореализацию личности в контексте общественной жизни.

Л. Н. Толстой не принимал современной ему культуры, так как она не выдерживала проверки этим критерием. Все то, что в этой культуре не соответствовало требованиям нравственной природы человека, он подверг сокрушительной критике. Мыслитель верил, что будущее человечества будет связано со строительством людьми единого культурного пространства, скрепами которого станут единые для всех нравственные императивы.

Непреложным условием гуманизации общества, считал Л. Н. Толстой, выступает осознание людьми того непреложного факта, что мир един и все элементы его взаимосвязаны. И потому истинная гуманистическая культура может быть построена только на высоконравственных, высокодуховных основаниях, сцепляющих мир в это единое целое.

Л. Н. Толстой о деятельности учителя. Во второй половине XIX — начале XX в. отечественная философско-педагогическая мысль, следуя традиции, заложенной еще в 60-е годы, задачу формирования личности учащегося рассматривала в качестве приоритетной. Деятельность учителя по развитию нравственных характеристик личности ученика считалась более важной, чем деятельность по развитию его интеллектуальных способностей. Утверждалось, что разработка научных основ нравственного воспитания не должна отставать от разработки научных основ обучения. «Воспитать в человеке

нравственные стремления, сделать его неутомимым борцом за нравственные идеалы, так чтобы вся жизнь его служила живым воплощением этого идеала, — писал К. Н. Вентцель, — самое трудное и вместе с тем...самое важное дело в области воспитания. Воспитание физическое и умственное играют по отношению к нравственному, можно сказать, только чисто служебную роль. И между тем нигде не сделано так мало и в смысле теоретического изучения и в смысле практического применения, как в области нравственного воспитания. Это и понятно — задача нравственного воспитания, захватывающая всю жизнь человека, с его как животными физиологическими потребностями, так и с высшими духовными интересами, несравненно обширнее и сложнее тех задач, разрешение которых составляет главное содержание трактатов о физическом или умственном воспитании» [1. С. 1].

Такое понимание главной задачи формирования личности диктовало ученым, педагогам первоочередное требование — разработать теоретические основы нравственного воспитания. Констатируя недостаточную теоретическую разработанность основ нравственного формирования личности, ученые основную причину этого явления связывали со сложностью самого объекта изучения. «...Нравственное воспитание, — отмечал Л. Е. Оболенский, — как наука, отстало не только от медицины, но даже и от научной разработки умственного воспитания». И это отнюдь не случайно, утверждал он, ведь «интеллектуальная сторона человека не так сложна и запутана, как его моральная

сторона; логика мысли определеннее, яснее, проще, чем логика чувствований и эмоций, иногда неуловимая вследствие своей сложности, запутанности и способности изменяться при малейших влияниях» [6. С. 78–79].

Определяя сущность нравственности и решая вопрос о целях и задачах нравственного воспитания, ученые исходили из того, что поскольку человек живет в обществе, то и наиболее полно реализовать свой жизненный потенциал он может только в нем. Из этого следует, утверждали они, что существует объективная необходимость формирования общественной, а не эгоистической направленности каждой личности. Это означает, что стремление человека к общему благу, его любовь к ближнему должны выступать в качестве критериев оценки нравственного развития личности. Поэтому главная задача нравственного воспитания — научить ребенка устанавливать правильную иерархию нравственных устремлений, осознавать цели своих действий, направлять их на установление гармонии между личным и общественным. «Установление гармонии между своей жизнью и жизнью остального человечества — цель, составляющая высшую задачу нравственности» [1. С. 9], — подчеркивал К. Н. Вентцель.

В деле нравственного воспитания учащихся, считали отечественные теоретики педагогики, определяющую роль играет не столько правильно организованная деятельность учителя, сколько его личностные качества. «Личность учителя в обстановке обучения занимает первое место, — утверждал П. Ф. Каптерев. Те или

другие свойства его могут повышать или понижать воспитательное влияние обучения» [4. С. 595]. Одним из таких свойств, согласно мнению отечественных педагогов, выступает постоянное самосовершенствование, работа учителя над собственным развитием. «Нет ничего хуже учителя, пришедшего к несчастной мысли, что он сам достаточно уже учен и развит, ...что отныне его задача просвещать только других, а не самого себя, — подчеркивал П. Ф. Каптерев. — Между таким учителем и учениками неизбежно разрывается та невидимая, духовная связь, которая в истинной, настоящей школе соединяет их воедино, сродняет и сдружает их, — потребность развития и работа над своим образованием» [4. С. 600].

Позиция Л. Н. Толстого по вопросам: определения сущности нравственного воспитания, влияния личности учителя на его успешность, являясь во многом созвучной гуманистическому пафосу отечественной педагогической мысли второй половины XIX — начала XX в., содержит в себе ряд существенных отличительных черт.

Для Л. Н. Толстого воспитание есть «воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем». Воздействовать же на сердце тех, кого воспитываешь, утверждает он, «можно только гипнотизацией, заразительностью примера». «Ребенок увидит, — пишет мыслитель, — что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю других делать то, что сам могу сделать, что я потворствую своей жадности, похотям, что я избегаю труда для других и ищу только удовольствия, что я горжусь и тщеславлюсь своим положением, говорю про других злое, говорю за глаза

не то, что говорю в глаза, притворяюсь, что верю тому, во что не верю, и тысячи и тысячи таких поступков или поступков обратных: кротости, смирения, трудолюбия, самопожертвования, воздержания, правдивости, и заражается тем или другим во сто раз сильнее, чем самыми красноречивыми и разумными поучениями». «И потому, — делает вывод Л. Н. Толстой, — все или 0,999 воспитания сводится к примеру» [12. С. 12].

Учатся и воспитываются дети, считает мыслитель, только благодаря заразительности примера, в состоянии, которое он называет «первой степенью гипноза». Все, чему обучают детей, пишет Толстой, «от молитв и басен до танцев и музыки, — все это сознательное внушение; все то, чему независимо от нашего желания подражают дети, в особенности в нашей жизни, в наших поступках, есть бессознательное внушение. Сознательное внушение — это обучение, образование, бессознательное — это пример, воспитание в тесном смысле, или... просвещение» [12. С. 17].

Внушаемость детей отдаёт их в полную власть взрослых. И поэтому, настаивает отечественный философ, «нельзя быть достаточно внимательным» к тому, что и как внушается им. Мыслитель констатирует, что на разработку основ сознательного внушения — обучения в обществе направляются практически все силы, бессознательное же внушение — воспитание, «вследствие того, что наша жизнь дурна», находится в пренебрежении. «В воспитании всегда, везде, — пишет Толстой, — у всех была и есть одна ошибка: хотят воспитывать разумом, одним разу-

мом, как будто у ребенка только и есть один разум. И воспитывают один разум, а все остальное, то есть все главное, идет, как оно хочет. Обдумают систему воспитания разумом опять, и по ней хотят вести все, не соображая того, что воспитатели сами люди и беспрестанно отступают от разума. В школах учителя сидят на кафедрах и *не могут* ошибаться. Воспитатели тоже становятся перед воспитанниками на кафедру и стараются быть непогрешимыми» [28. С. 122].

Мыслитель настаивает на том, что воспитание, бессознательное внушение «есть самое важное» [12. С. 18]. Для того же, утверждает он, чтобы воспитание было нравственным, необходимо воспитателю самому жить нравственной жизнью. Только в этом случае, настаивает отечественный педагог, личный пример учителя становится мощным воспитательным фактором. «Чтобы воспитывать хорошо, — пишет Л. Н. Толстой, — надо жить хорошо перед теми, которых воспитываешь» [28. С. 14]. Главной же чертой «хорошей жизни» человека, согласно воззрениям русского философа, является его стремление к совершенствованию в любви. «Вот это самое если есть в воспитателях и если этим заразятся дети, то воспитание будет не дурное» [28. С. 18].

«Воспитание представляется сложным и трудным делом, — пишет Толстой, — только до тех пор, пока мы хотим, не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы то ни было. Если же поймешь, что воспитывать других мы можем только через себя, то упраздняется вопрос о воспитании и остается один вопрос жизни:

как надо самому жить? Потому что не знаю ни одного действия воспитания детей, которое не включалось бы в воспитание себя. Как одевать, как кормить, как класть спать, как учить детей? Точно так же, как себя. Если отец, мать одеваются, едят, спят умеренно и работают и учатся, то и дети будут то же делать» [28. С. 11].

Мыслитель считает, что для достижения положительных успехов в деле нравственного просвещения учащихся воспитателю следует придерживаться двух основных правил: «самому не только жить хорошо, но работать над собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не скрывать из своей жизни от детей». Толстой подчеркивает, что «лучше, чтобы дети знали про слабые стороны» своих воспитателей, чем то, чтобы они чувствовали, что у них есть скрытая и показная жизнь. Отечественный мыслитель был против старой педагогической догмы, согласно которой воспитание возможно только на положительных примерах, а отрицательное в жизни и людях — лишь развращает и нравственно уродует людей. По его мнению, практика наглядно демонстрирует, что нравственно воспитывает не только положительное, но и отрицательное. Рассуждая в своем дневнике на эту тему, Л. Н. Толстой 23 июня 1903 года записывает: «Я очень дурной по свойствам человек, очень туп к добру, и потому мне необходимы большие усилия, чтобы не быть совсем мерзавцем... Юрий Самарин как-то очень хорошо сказал, что он — прекрасный учитель математики, потому что очень туп к математике. Я — совершенно то же в математике, но главное, то же в деле добра — очень

туп, и потому не совсем дурной, — нет, смело скажу: хороший учитель» [26. С. 180—181]. Русский педагог не видел в этом никакого парадокса нравственного воспитания. Хорошим учителем нравственности, считал он, может быть и дурной человек, но только при одном условии — он должен делать усилия добра. Кроме того, безобразное и нравственно уродливое вызывает как в ребенке, так и во взрослом чувство отвращения, ведь в них Богом вложено нравственное чувство, в них пульсируют силы добра.

Практически все трудности нравственного воспитания, утверждает отечественный педагог, проистекают из-за того, что сами воспитатели не только не ликвидируют своих недостатков, «но, даже не признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотят не видеть этих недостатков в детях» [12. С. 11]. Это и приводит, по мнению мыслителя, к тому, что в современном мире вместо воспитания с детьми ведется борьба. А педагогика, теряя разумные основания, становится наукой о том, «каким образом, живя дурно, можно иметь хорошее влияние на детей». Л. Н. Толстой отрицает за такой педагогикой нравственные начала и сравнивает ее с псевдомедициной, которая учит как, «живя противно законам природы, все-таки быть здоровым» [12. С. 15].

Воспитание, с точки зрения мыслителя, есть «последствие жизни». Обыкновенно предполагается, пишет Л. Н. Толстой, что люди известного поколения знают, каким должны быть люди вообще, и потому могут их готовить к такому состоянию. Это совершенно несправедливо, утверждает он,

люди, во-первых, не знают, какими должны быть люди, могут в лучшем случае знать только идеал, к которому им свойственно стремиться; во-вторых, люди, воспитывающие сами, никогда не готовы, не воспитаны, а сами, если они не мертвы, движутся и воспитываются. И поэтому, заключает Толстой, все воспитание сводится к тому, чтобы самому жить хорошо, т. е. самому двигаться, воспитываться [12. С. 14–15]. «Все воспитание состоит в большем и большем сознании своих ошибок и исправлении себя от них» [12. С. 12]. Только этой деятельностью самовоспитания, по мнению Толстого, «люди влияют на других» [12. С. 15].

«От воспитания, — пишет Л. Н. Толстой, — обыкновенно требуют и слишком много и слишком мало. Требовать того, чтобы воспитываемые выучились тому-то и тому-то, образовались, как мы разумеем образование, — это невозможно, так же невозможно и то, чтобы они сделались нравственными, как мы разумеем это слово. Но совершенно возможно то, — настаивает он, — чтобы не быть самому участником в развращении детей..., а всею своею жизнью по мере сил своих воздействовать на них, заражая их примером добра» [12. С. 12].

Согласно точке зрения Л. Н. Толстого, «школьное дело» тогда будет «одним из самых полезных дел», а не «самым пустяшным, вредным и дурным», когда учитель будет по мере сил

своих и примером, и словом «внушать детям истинно нравственные, основанные на религиозных христианских началах, убеждения и привычки» [25. С. 156]. Для того же, чтобы воспитывать словом и делом детей на истинных нравственных ценностях, учитель должен знать, в какой последовательности и как должна выстраиваться эта деятельность. Для духовной жизни, подчеркивает Толстой, соблюдение этого правила имеет принципиальное значение. Ведь отступление от него лишает человека самого главного — блага самосовершенствования и удаляет его от самого важного — ведения доброй жизни.

«Правильная последовательность приобретения добрых качеств, — считает мыслитель, — есть необходимое условие движения к доброй жизни». И поэтому, утверждает он, «всегда всеми учителями человечества предписывалась людям известная, неизменная последовательность приобретения добрых качеств» [23. С. 58].

Внушение детям словом духовно возвышающих человека истин самим Толстым осуществлялось в форме бесед с ними по нравственным вопросам. В полном соответствии со своими представлениями о этапности и последовательности духовно-нравственного становления человека мыслитель выделял «около 20» разделов — тем, по которым и вел «преподавание детям нравственности»².

² В статье «Беседы с детьми по нравственным вопросам» Л. Н. Толстой писал: «Собрав выраженные разными мыслителями нравственные истины и изложив их доступным... языком, я разделил их на отделы и каждый день читал детям по одной мысли из одного... отдела и, прочтя, просил их повторить своими словами прочитанное, разъясняя непонятное и отвечая на вопросы, вызванные чтением. Отделов таких у меня составилось около 20. Я говорю около 20 потому, что я не вполне остановился на числе отделов — то прибавлю, то убавлю их» (Полн. собр. соч. — Т. 37. — С. 31.).

В качестве главных тематических разделов Толстой выделял следующие: «1) Бог. 2) Жизнь в воле Бога. 3) Человек — сын Бога. 4) Разум. 5) Любовь. 6) Самосовершенствование. 7) Усилие. 8) Мысли. 9) Слова. 10) Поступки — дела. 11) Соблазны внутренние. 12) Соблазны внешние. 13) Смирение. 14) Самоотречение. 15) Непротивление. 16) Жизнь в настоящем. 17) Смерть. 18) Жизнь — благо. 19) Вера» [17. С. 31–32].

Л. Н. Толстой особо заострял внимание в своем творчестве на вопросе нравственной ответственности учителя за содержание воспитательной деятельности. «Великий грех людей, взявшихся за дело образования, просвещения и совершающих «ужасное зло обмана» по отношению к детям, которые даже не могут «представить себе повода, для какового могли бы старые люди обманывать их», состоит по мысли Толстого, в том, что внушенная в «правдивые сердца» детей «коварная ложь» извращает всю их последующую жизнь [25. С. 159].

Высокая восприимчивость вечных религиозных истин детьми связана, по мнению Толстого, далеко не только с психологическими особенностями их развития. «Мы думаем, — пишет он, — что душа ребенка — чистая доска, на которой можно написать все, что хочешь. Но это неправда, у ребенка есть смутное представление о том, что есть то начало всего, та причина его существования, та сила, во власти которой он находится, и он имеет то самое высокое, неопределенное и не выразимое словами, но сознаваемое всем существом представление об этом начале, которое свойственно

разумным людям...У ребенка есть смутное и верное представление о цели этой жизни, которую он видит в счастье, достигаемом любовным общением людей...У всякого ребенка есть и сознание того, что обязанности человека очень сложны и лежат в области нравственной» [20. С. 265].

В. В. Зеньковский в книге «Русская педагогика в XX веке» (1960) утверждает, что, начиная с К. Д. Ушинского, в русской педагогической науке возобладало преклонение перед внутренней природой ребенка, верой в чистые силы детской души. Такое понимание сущности детской души восходит, по мнению религиозного философа и педагога, к учению Ж.-Ж. Руссо о «радикальном добре» детской природы. Считая учение Ж.-Ж. Руссо о «радикальном добре» детской природы таким же односторонним, как и учение И. Канта о «радикальном зле» человеческой природы, В. В. Зеньковский предлагает совместить оба этих учения, объединив их с христианским учением о человеке как образе Божием и учением о греховности человека. Именно с этих позиций В. В. Зеньковский и критиковал взгляды Л. Н. Толстого на воспитание, видя в них преклонение перед природными силами детской души. Невозможно, считал он, совместить в теории воспитательного процесса принципы служения добру и самосовершенствования личности с принципом «непротивления злу силой». Критику воззрений Л. Н. Толстого на сущность воспитания В. В. Зеньковским нельзя считать в полной мере справедливой, так как яснополянский педагогом в 1880–1910 гг.

специально разрабатывается учение о духовном росте человека, его нравственном самосовершенствовании как последствиям преодоления грехов (имеющих природную, т. е. врожденную обусловленность), соблазнов и суеверий. Подтверждением этому является, к примеру, итоговый труд Л. Н. Толстого «Путь жизни», в котором 15 глав из 31 посвящены вопросам борьбы с грехами, соблазнами и суевериями. В статье «Беседы с детьми по нравственным вопросам» (1907) проблеме воздержания от совершения злых дел также отведено Толстым несколько отделов.

Только при «разумном», религиозно-нравственном основании, подчеркивает Толстой, образование (сознательное внушение) становится тем, чем оно должно являться — самым действенным средством одухотворения и гармонизации личной и социальной жизни людей. В противном случае, образование, утверждает отечественный мыслитель, становится не чем иным, как нагромождением «пустых, случайных, ненужных знаний, называемых наукой, которые не только не полезны, но приносят величайший вред людям, скрывая от них необходимость одних нужных человеку знаний» [25. С. 67].

Рассуждая о совершенном образовании, мыслитель проводит аналогию между ним и сферой, из центра которой выходит бесконечное количество радиусов, могущих до бесконечности быть удлиненными. Совершенство образования, считает Толстой, достигается не тем, чтобы «учащиеся усвоили очень многое из случайно избранной области знания, а тем, чтобы, во-

первых, из бесконечного количества знаний прежде всего были переданы учащимся знания о самых важных и нужных предметах, а во-вторых, тем, чтобы знания эти были доведены до относительно одинаковой степени, так чтобы преподаваемые знания, подобно одинаковой длины и одинаково равномерно друг от друга отделенным радиусам, определяющим сферу, составляли гармоничное целое» [25. С. 64].

Согласно точке зрения Л. Н. Толстого, если образование станет полностью свободным и будет выстраиваться на религиозно-нравственном фундаменте, то все остальные знания распределяться так, «как это им свойственно, сообразно тем условиям, в которых будет находиться то общество, в котором будут преподаваться и восприниматься знания» [25. С. 69].

В 1901 г. Толстой в письме к П. И. Бирюкову изложил свои мысли об организации свободной школы. «Образование, — пишет он, — ...есть не что иное, как передача того, что думали самые умные люди. Умные же люди думали всегда в трех разных направлениях... 1) философски, религиозно о значении своей жизни — религия и философия; 2) опытно, делая выводы из известным образом обставленных наблюдений, — естественные науки: механика, физика, химия, физиология; 3) думали математически, делая выводы из положений своей мысли, — математика и математические науки». Толстой считает, что «все эти три рода наук — настоящие науки». Нельзя, пишет он, «подделаться под знание их», и не может быть в них «полузнания — знаешь или не знаешь». Все эти три рода наук, по

его мнению, «космополитичны — все они не только не разъединяют, но соединяют людей. Все они, утверждает Толстой, «доступны людям и удовлетворяют критерию братства людей».

Л. Н. Толстой, помимо выделения трех родов наук, выделяет еще и три способа передачи их. «Первый способ передачи — самый обычный — слова. Но слова на разных языках, и потому является еще наука — языки, опять соответствующая критерию братства людей... Второй способ — это пластическое искусство, рисование и лепка, наука о том, как для глаза передать то, что знаешь, другому. И третий способ — музыка, пение — наука, как передать свое настроение, чувство.

Выделение Л. Н. Толстым из «трех способов передачи» содержания «настоящих наук» двух, непосредственно связанных с искусством (рисование, лепка, музыка, пение), не является случайным. Это объясняется самобытным пониманием Толстым сущности соотношения между понятиями — Истина, Добро и Красота. Изучив множество философских и специальных эстетических работ, Л. Н. Толстой приходит к выводу, что «добро, красота и истина ставятся на одну высоту и все эти три понятия признаются основными и метафизическими». По мнению же Толстого, «в действительности нет ничего подобного». Нельзя, утверждает он, считать однопорядковыми понятия «добро» и «красота». «Добро, — пишет он в трактате «Что такое искусство?» (1897–1898 гг.), — есть вечная, высшая цель нашей жизни. Как бы мы ни понимали добро, жизнь наша есть не что иное, как стремление к добру,

т. е. к Богу» [25. С. 78–79]. Красота же, по его мнению, «есть не что иное, как то, что нам нравится». Не бывает, утверждает мыслитель красоты «нравственной и духовной». Потому, что красота нравственная и духовная — это «не что иное, как добро». Истина рассматривается Толстым как «соответствие выражения с сущностью предмета и потому есть одно из средств достижения добра». «С красотой же истина не имеет даже ничего общего и большею частью противоположна ей, потому что истина, большей частью разоблачая обман, разрушает иллюзию, главное условие красоты». Что касается отношения красоты и добра, то заключение русского философа вполне определено: «Чем больше мы отдаемся красоте, тем больше мы удаляемся от добра» [25. С. 79]. Для демонстрации обратно пропорционального отношения между эстетическим и этическим Л. Н. Толстой прибегает к образному сравнению. «Эстетическое и этическое, — пишет он, — два плеча одного рычага: насколько удлиняется и облегчается одна сторона, настолько укорачивается и тяжелеет другая сторона. Как только человек теряет нравственный смысл, так он делается особенно чувствителен к эстетическому» [19. С. 150]. Толстой формулирует ряд критериев для определения истинного эстетического произведения. Эти критерии требуют от произведения: 1) правильного, т. е. нравственного, отношения автора к предмету, 2) ясности изложения или красоты формы, что одно и то же, 3) искренности, т. е. непритворного чувства любви или ненависти к тому, что изображает художник» [25. С. 4]. Из

этого следует, что для Л. Н. Толстого истинное эстетическое произведение — это синтез добра, красоты и истины: добра (нравственного отношения автора к предмету), красоты (ясности изложения или формы), истины (искренности выражения чувств художника). Именно это и объясняет, почему при отборе «способов передачи» учащимся содержания «настоящих наук» отечественный мыслитель отводит доминирующее место способам, непосредственно связанным с искусством (из трех основных способов трансляции данных «настоящих наук» Л. Н. Толстой выделяется два).

Кроме этих шести «отраслей преподавания» (1 — религия и философия; 2 — механика, физика, химия, физиология; 3 — математика; 4 — языки; 5 — рисование, лепка; 6 — музыка и пение), по мнению Толстого, в образовательный процесс «должен быть введен еще седьмой: преподавание мастерства, и опять соответствующее критерию братства, т. е. такое, которое всем нужно, — слесарное, малярное, плотничное, швейное...». В целом, по мысли Толстого, весь процесс преподавания «распадается на семь предметов». Полная свобода обучения должна позволить, считает мыслитель, каждому учащемуся самостоятельно решить, «какую часть времени употребить на каждый, кроме обязательного труда для своего обслуживания» [20. С. 65–66].

Л. Н. Толстой утверждал, что приобщение учащихся к «ручному труду» является обязательным условием их нравственного воспитания. Ручной труд он считал самым простым и естественным» приложением

нравственного правила: «Как можно меньше заставлять других служить себе и как можно больше самому служить другим. Требовать от других как можно меньше и давать другим как можно больше» [28. С. 92]. Для Толстого введение «ручного труда» в образовательный процесс выступало обязательным требованием еще и по той причине, что главный недостаток, современного ему общества состоял, по его мнению, в «освобождении себя от этого труда и в пользовании, без всякой взаимности, трудом бедных, невежественных, несчастных классов, являющихся рабами, подобными рабам древнего мира» [28. С. 92].

Толстой особо настаивает на том, что только при полной свободе можно: 1) «вести лучших учеников до тех пределов, до которых они могут идти», 2) избежать такого обычного явления, как «вызывание отвращения к предметам, которые в свое время и свободно были бы любимы», 3) «узнать, к какой специальности какой ученик имеет склонность». А самое главное, с точки зрения Л. Н. Толстого, это то, что только свобода не нарушает воспитательного влияния. «А то, — пишет он, — я буду говорить ученику, что не надо в жизни насилия, а над ним буду совершать самое тяжелое умственное насилие» [20. С. 66–67].

Подводя итог своим рассуждениям о свободной школе, отечественный мыслитель делает вывод: для педагогов, всерьез занятых вопросами образования, «главная» забота «может и должна состоять прежде всего в том, чтобы выработать соответственное нашему времени религиозное и нравственное учение и, выработав таковое,

поставить его во главе образования» [25. С. 69].

Учитывая то, что для Л. Н. Толстого суть религиозного учения сводится к ответам на вопрос о смысле человеческой жизни, а нравственного учения как этот смысл реализовывать, то становится очевидным, что роль образования педагог видел, в первую очередь, в развитии духовных сущностных сил ребенка, а не в передаче ему некоторой суммы знаний. В своих педагогических трудах он подчеркивает, что человека нельзя научить смыслу его жизни, так как смысл жизни может быть только понят, нельзя человека «научить уму», но вполне возможно научить его понимать. Из этого следует, что для Л. Н. Толстого истинное образование заключено не в том, чему человека учат, а в том, что он в этом понял. Именно поэтому образовательный процесс, согласно воззрениям русского мыслителя, должен быть сориентирован на понимание и учебного материала, и других людей, и, самое главное, самого себя. Учитель при такой организации образовательного процесса является

не просто транслятором знаний (религиозных, нравственных, научных), он выступает как живое их воплощение. При таком образовательном процессе, считает Л. Н. Толстой, учитель не должен выполнять контрольные функции, так как их реализация сводит на нет радость познания учеников, мешает свободному постижению ими духовно-нравственных истин. Образовательный процесс, сориентированный на понимание, по мнению отечественного педагога, предполагает также решительное изменение традиционных, носящих зачастую искусственный характер форм взаимодействия учителя и ученика. Только в рамках естественного общения, утверждает он, может быть достигнут максимальный эффект понимания. И отнюдь не случайно яснополянский педагог прибегал в работе с детьми к такой форме организации занятий, как сократические беседы³. В целом же, по твердому убеждению гениального педагога, основная задача учителя в свободной школе должна состоять в воспитании духовности, человечности в человеке.

Список литературы

1. Вентцель, К. Н. Основные задачи нравственного воспитания / К. Н. Вентцель // Вестник воспитания. — 1896. — № 2.
2. Гольденвейзер, А. Б. Вблизи Л. Н. Толстого / А. Б. Гольденвейзер. — М. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. — 488 с.
3. Зеньковский, В. В. История русской философии: В 2 т. / В. В. Зеньковский. — Л. : ЭГО, 1991. — Т. 1 (2). — 269 с.

4. Каптерев, П. Ф. Избранные педагогические сочинения / П. Ф. Каптерев. — М. : Педагогика, 1982. — 703 с.
5. Лосев, А. Ф. Русская философия / А. Ф. Лосев // Очерки истории русской философии. — Свердловск, 1991. — 592 с.
6. Оболенский, Л. Е. Нравственность у детей и нравственное воспитание / Л. Е. Оболенский // Русская школа. — 1896. — № 16.

³ См. статью Л. Н. Толстого «Беседы с детьми по нравственным вопросам» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. — Т. 37).

7. Смысл и назначение истории... / Перевод с немецкого: М. И. Левина. — М.: «Политиздат», 1991. — 527 с.
8. Толстой, А. Н. Собрание сочинений. В 20 т. / А. Н. Толстой. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. — Т. 16. — 346 с.
9. Толстой, А. Н. Избранные религиозно-философские произведения / А. Н. Толстой. — М.: Новости, 1992. — 444 с.
10. Толстой, А. Н. Избранные философские произведения / А. Н. Толстой; Сост., авт. вступ. ст. Н. П. Семькин. — М.: Просвещение, 1992. — 527 с.
11. Толстой, А. Н. Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. Т. 1 / Толстой Лев Николаевич. — М.: Политиздат, 1991. — 480 с.
12. Толстой, А. Н. Мысли о воспитании / А. Н. Толстой // Собр. соч.: В 24 т. — М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1913. / Под ред. П. И. Бирюкова. — Т. 14. — 234 с.
13. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений: В 24 т. / А. Н. Толстой. — М., 1913. — Т. 18. — 481 с.
14. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений: В 24 т. / А. Н. Толстой. — М., 1913. — Т. 23. — 389 с.
15. Толстой, А. Н. Путь жизни / А. Н. Толстой / Сост. подгот. вступ. ст. и коммент. А. Н. Николюкина. — М.: Высш. шк., 1993. — 527 с.
16. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. — Т. 35. — 734 с.
17. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. — Т. 37. — 503 с.
18. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952. — Т. 48. — 539 с.
19. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. — Т. 53. — 598 с.
20. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. — Т. 73. — 432 с.
21. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. — Т. 74. — 336 с.
22. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. — Т. 80. — 387 с.
23. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой; под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. — Т. 27. — 774 с.
24. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой; под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. — Т. 36. — 783 с.
25. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой; под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1936. — Т. 38. — 628 с.
26. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой; под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935. — Т. 54. — 771 с.
27. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой; под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1937. — Т. 55. — 648 с.
28. Толстой, А. Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. / А. Н. Толстой; под общ. ред. В. Г. Черткова. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. — Т. 61. — 436 с.